

АКТРИСА В РОЛИ ДРАМАТУРГА

Нина Дробышева: «Идти своим путем — дело трудное, а не идти — суший ад»

Независимая газ. - 2001 - 3 апр. - с. 7

Ольга Суровцева,
Наталья Харитоновна

Она — Эдит Пиаф, балерина Ляля Аркадина. Стремительная, будто опаздывающая жить. Пронзительная. Недавно Нина Дробышева сыграла роль Лилиан Хеллман на сцене театра имени Моссовета в спектакле «Кейкуок» режиссера Сергея Виноградова.

НИНА ИВАНОВНА, у вас недавно состоялась премьера спектакля «Кейкуок». Расскажите, как он родился.

— Прежде всего разберемся, что такое «Кейкуок». Кейкуок — это новоорлеанский танец негритянского происхождения, второй половины девятнадцатого века, так у автора. В словаре же это слово переводится как топтание на одном месте. Для меня это танец света, притяжения, любви, и я считаю закономерным и справедливым, что пьеса попала в наши с Сергеем Виноградовым руки. Она автобиографична: молодой писатель Питер Фейблман был последней любовью знаменитой американской писательницы и драматурга Лилиан Хеллман. Разница в их возрасте — 25 лет... Процесс работы над спектаклем не был гладким: сказывалась занятость режиссера. Сколько сил уходило, чтобы отшвырнуть от себя все «опасные связи» моего партнера и режиссера Сергея Виноградова и станцевать наш рискованный и великолепный кейкуок.

— А это не трудно, когда партнер по сцене одновременно и режиссер спектакля?

— Наоборот. Мы понимаем друг друга без лишних слов и работаем в свое удовольствие.

— А что вам интереснее: репетиции или работа в уже готовом спектакле?

— Важно и то и другое. В процессе работы над спектаклем ты стараешься как можно точнее расшифровать все, что происходит с твоей героиней и с тобой лично. Это удивительное занятие — угадать свою героиню и найти в себе качества, которые помогут в роли. Но до встречи со зрителем готовым спектакль никогда не бывает. Именно на зрителе и происходит становление спектакля, выискивается верный путь.

— И какого зрителя вы любите?

— Нравящегося и непредвзятого. Но его еще надо заслужить... Когда актеру удастся пройти свой причудливый маршрут к роли, он убеждает и зрителя. Тогда зритель меняется внешне и внутренне и шагает по дороге актера вместе с ним... И тут никакая критика артиста не собьёт.

— То есть к критике вы равнодушны?

— Нет, конечно. Но разговор о критике особый. К сожалению, убеждаешься: не всегда она соответствует тому, что должна была бы делать. Ругая или хваля, критика должна помогать движению спектакля, роли, актеру, а не огульно топтать или восхвалять. Наша уважаемая критика почему-то решила, что она и только она является истинной в последней инстанции и может беспардонно «чесать» всех и вся, подчас одержимая единственной мыслью — ударить: равнодушно и зло. Не меньший вред наносит критик театру и зрителю, когда по каким-то только ему известным причинам восхваляет, поднимает на самый высокий пьедестал то, что этого и не заслуживает. Для меня ярким примером является Андрей Житинкин. Я работала с ним в двух спектаклях. У этого режиссера есть превосходные работы: «Мой бедный Марат» и, может быть, что-то еще, чего я не видела. Но есть «полотна», которые находятся за гранью разума, где происходит подмена правды неправдой. На спектакли Андрея Житинкина валом валит, я за него рада, но это все пена, дезориентация зрителя. Здесь-то и поработала пресса, которая из каких-то своих темных соображений преподнесла это все, как восхитительный фейерверк Житинкина.

— Режиссер и актер: кто должен быть ведущим?

— Конечно же, лидером обязан быть режиссер. В том, чтобы действовать эффективно, без тренировок, ясно понимать свои позиции, уметь удерживать их. При таком лидере актеру легко. Он становится другом, участником и первым по-

Нина Дробышева и Сергей Виноградов в спектакле «Убийственная любовь».

мощником лидеру. И никогда не возникнет вопроса, кто же из них ведущий, а кто ведомый; они находятся на одной волне. В свое время Эфрос говорил нам, что в начале и в середине работы он знает больше актеров, но когда те поняли, чего он хочет, — каждый актер про свою роль знает гораздо больше него. Эфрос — вот кто был лидером! А если актер безумно влюблен в личность режиссера, превращается в его раба, пиши пропало. Происходит полная, безвозвратная потеря самой личности актера. Он находится как бы в летаргическом сне. Убеждена, что с по-настоящему хорошим актером этого не может произойти. Серьезный и умный режиссер всегда это знает и, безусловно, оберегает индивидуальность актера. Но существуют режиссеры — лидеры по статусу. Такой режиссер ставит спектакли, дает оценки, принимает решения, быть или не быть тому или иному спектаклю, — он, бесспорно, умен. У него масса заслуг и достоинств... Но где бы ни появился такой лидер — он спит. Спит физически. Актеры же — в недоумении и расстройстве, так как после какой-нибудь репетиции или просмотра он невинно, с ясными глазами заявит, что ему было скучно. Так и хочется сказать: «Вам здесь не очень уютно, попробуйте заснуть в другом месте. Может быть, ваш сон будет крепче и не так скучен». И есть еще одна разновидность наглых лидеров, которым самим-то следовало бы еще многому поучиться. И учиться у тех самых актеров, которые рядом. Но он ведь лидер, а посему можно и заявить любому актеру: «Если вам что-то не нравится, я ведь могу и заменить вас». И смело заменяет одного, другого, лишь бы радовало глаз, а может быть, и еще что-то... Нимало не заботясь, что спектакль от этого разрушается. К примеру, этим очень увлекается Сергей Проханов.

— А что главное в актере и актерстве?

— В актере? Наверное, сберечь любовь к своему делу. Не дать душе взбунтоваться и хоть на минуту предположить, что можно прожить без своего ремесла. Это нехорошие моменты в жизни, они у меня были... Что такое актерство? Смотря как понимать. Я это слово не люблю. Для меня актерство это глупость очень среднего актера, когда у актера одна цель — понравиться публике, не заглядывая в свою душу или в глаза своим близким. Такие актеры часто добиваются успеха и даже становятся звездами. Ну, что делать. Если «звезды зажигают», значит, это кому-нибудь нужно. Но не мне.

— Когда смотришь на женщин, которые выигрывают, замечаешь, что чего-то недоговорили. Насколько важна в искусстве недосказанность?

— Если в моей роли присутствует какая-либо недосказанность, значит, мне не захотелось договорить, а захотелось, чтобы зритель что-то сам додумал. И как же меня сама, когда я сижу в зрительном зале или перед экраном, «цепляет» такая недосказанность. И как же она важна!.. Такая недосказанность, как у Алексея Петренко или в очень давнем интервью Натальи Крымовой с Фаиной Раневской. А когда все «вываливают» зрителю — это уже не те-

атр, вернее, дурной театр. Но парадокс в том, что в искусстве вообще должно быть все понятно, все должно быть обязательно ясно зрителю. Если этого нет, значит, команда, работающая над спектаклем, что-то не довела до ума.

— Ваша героиня Лилиан Хеллман для Питера Фейблмана не только любимая женщина, но и учитель. Можно ли чему-то научиться в творчестве?

— Лилиан Хеллман, безусловно, являлась тем самым учителем для Питера Фейблмана (в пьесе — Куффа), в котором он нуждался и страстно ждал. Но это не означает, что Хеллман водила по бумаге рукой Фейблмана. Мне думается, что она царствовала в его душе, и он сам — осознанно или нет — хотел чему-то у нее научиться. И учился. А можно ли научиться чему-нибудь в творчестве? Можно, если оба к этому стремятся. Они становятся учителями друг для друга, и каждый получает то самое необходимое, что и приводит к поразительному эффекту — к их любви (в жизни, в творчестве, во сне и наяву).

— Может ли талант остаться нерезализованным?

— Думаю, нет. Это противоестественно, и это — катастрофа. Если, конечно, это талант, а не подделка... Вопрос в другом — в каком качестве проявится этот талант. Он может возникнуть и в виде чудилища с перешибленным хребтом, и наоборот, сам успокоится и вселит в нас, простых смертных, покой. К примеру, поэт Рембо: да, он в 18 лет был гением, потом сам от этого ушел. Но его гений не проявится не по-прежнему.

— С каждым годом жизнь становится все жестче. Где грань, за которой здоровый цинизм начинает разрушать личность?

— В принципе никто не рождается ни убийцей, ни вором, ни циником. Вопрос прежде всего в том, что такое цинизм. Вот я могу, предположим, сказать, что такое старость. Старость не в морщинах или болезнях, не в немощи и скрюченном теле, а в том, что человеку становится все безразлично. Вот — это уже конец. А цинизм... Если я слышу, что человек забывает или плохо отзывается о своей матери, он для меня перестает существовать. Циник тот, кто может растоптать друга, мать или ребенка.

— А как уберечь себя от цинизма?

— Так же, как не украсть и не убить, нормальному человеку такое просто в голову не придет. Хотя, с другой стороны, как говорят, не зарекайся. Мы не знаем себя и не знаем, что ждет нас в жизни. Ведь бывают случаи, когда и убийство может быть оправдано... Другой вопрос, как себя защитить, чтобы какой-нибудь циник не задел твою душу своей ржавчиной. Не вывернул наизнанку и не лишил тебя веры. От такого цинизма заболеваешь, тем более когда он исходит от того, к кому крепко привязан. Я испытала это на себе. Это шок. А как этого избежать, не знаю.

— Бытует мнение, что циникам по жизни легче.

— Ворами тоже легче — деньги вообще трудно зарабатывать. Каждому легко или трудно по-своему. Каждый идет своим путем. Моя героиня Лилиан Хеллман определяет так: «Идти своим путем — дело трудное, а не идти — суший ад».